

УДК 37.018.1(476)«18/19»

**К ВОПРОСУ ВЛИЯНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В СЕМЕЙНОМ ВОСПИТАНИИ
ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ
(КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)****И.В. ГОЛУБЕВА***(Представлено: канд. ист. наук, доц. С.О. ШИДЛОВСКИЙ)*

Рассмотрено влияние религиозного фактора в семейном воспитании дворянских детей на белорусских землях (конец XVIII – первая половина XIX века). Автором выделены характерные черты политики администрации Российской империи на исследуемой территории и ее влияние на формирование традиций семейного воспитания.

На период присоединения к Российской империи (конец XVIII века) белорусские земли имели богатый культурно-исторический опыт и давние культурные традиции, которые формировались на протяжении столетий. Включение в новый государственный организм, который в свою очередь определялся своими выработанными культурными достижениями, не мог не повлиять на дальнейшее культурное развитие белорусских земель.

Хронологические рамки исследования: конец XVIII – первая половина XIX века – это начальный этап (после разделов Речи Посполитой) формирования взаимоотношения культур Беларуси и России. На первом плане этих довольно сложных и неоднозначных взаимоотношений оказались уже сформированные культурные течения: шляхетская культура Беларуси и русская дворянская имперская культура. Во многом это были культуры равноправные, во-первых, по уровню развития. До XIX века они пришли значительно обновленные бурными процессами европеизации, обогащены идеями и идеалами эпохи Просвещения, но имели разный культурный опыт, ориентации и традиции. Соединенные в рамках единого государственного образования, они оказались в неравных условиях: как культура народа покоренного и народа доминирующего. Величие порождало взаимоуважение, отличия вызывали непонимание и противостояние. Эти тенденции определяли развитие всех сфер культурной жизни края, особенно системы образования [4, с. 137].

Под термином “дворянство” будем понимать привилегированное сословие в Российской империи до 1917 г. Основой политического и экономического могущества дворянства были земельные владения. Права дворянства были закреплены в Жалованной грамоте дворянству 1785 г., в соответствии с которой оно пользовалось определенным самоуправлением через Дворянские депутатские сходы, вносилось в родоводные книги. В Великом княжестве Литовском аналогичное положение занимала шляхта, которая после присоединения Речи Посполитой получила права российского дворянства. В конце XVIII – первой половине XIX века состав белорусского дворянства значительно пополнился за счет русских дворян, которые для увеличения «влияния русского элемента» получали на Беларуси большие земельные владения с крепостными крестьянами [3, с. 215].

Важным фактором влияния на формирование личности является его конфессиональная принадлежность. В 1791 г. конфессиональный состав населения Великого княжества Литовского был следующим: 39 % от всего количества населения униаты, 38 % – католики, 6,5 % православные, 4 % – староверы, 1,6 % - протестанты, мусульмане, иудеи и т.д. [8, с. 302]. Конфессиональное положение территорий характеризовалось смешанными браками и в связи с этим переходами из одной конфессии в другую. Богатая и средняя шляхта была католической, бедная – униатского и православного вероисповедания. Таким образом, цель данного исследования рассмотреть влияние религиозного фактора на традиции семейного воспитания дворянских детей на белорусских землях (конец XVIII – первая половина XIX века).

На протяжении исследуемого периода конфессиональная структура изменялась несколько раз. На присоединенной в 1772 г. к Российской империи территории Беларуси правительство Российской империи разрешило деятельность всех конфессий. Униатство было новым христианским направлением в империи, про него было мало сведений. С учетом того, что униатская церковь, как и католическая подчинялись Папе римскому – их рассматривали как близкие конфессии. Первые годы существования в новом государстве политика властей была либеральной, но в 1781 г. начался перевод униатов в православие (Указы Екатерины II 1781 г., 1794 г.). Указом от 6 сентября 1795 г. униатскому духовенству, которое потеряло свои приходы, был разрешен выезд за границу, а тем, кто оставался, назначены пенсии в размере от 50 до 100 рублей на содержание семьи. В 1801 г. был издан указ о разрешении перехода униатов в католичество [2, с. 6]. В конце 1827 г. был сделан проект присоединения униатов к православию, который состоял из двух частей. В первой был сделан историографический анализ тех мер, которые

принимало правительство по присоединению униатов к православию; во второй были высказаны мнения о том, что еще нужно сделать. Основная идея документа заключалась в том, чтобы оторвать униатов от католичества путем ликвидации части базилянских монастырей, образования отдельной от католической греко-униатской коллегии, открытия новых учебных заведений для подготовки юношей в традициях православной веры. 9 июля 1830 г. указом Греко-униатской коллегии было приказано, чтобы в проповедях и научениях Закону Божьему духовенство использовало местный диалект (для белорусов – белорусский). Участие базилянских монахов в восстании 1830 – 1831 гг. привело к ликвидации 2/3 монастырей, власти провинциалов ордена. В 1839 г. был подписан Указ о присоединении униатов к православию. В вопросе воспитания шляхетских детей униатского вероисповедания необходимо отметить большое влияние народных традиций, в отличие от средней и богатой шляхты. Униатское духовенство сохраняло древние местные традиции. Дети мелкой шляхты были знакомы с сельскохозяйственными работами. С трех лет шляхтичу доверяли пасти гусей, с пяти – свиней. Народные знания, связанные с метеорологией и агрономией, входили в круг «домашнего воспитания» небогатого шляхтича. Шляхте не были чужими народные традиции и обряды [10, с. 70]. С ликвидацией униатства произошло изменение конфессиональной структуры населения белорусских территорий.

В Российской империи православие было главенствующей религией и поэтому основным направлением политики имперской администрации стало укрепление православия. Главным резервом для увеличения православных верующих было униатское население. Но несмотря на увеличение количества верующих после ликвидации унии, православие не стало главенствующим. Верующими в основном были крепостные крестьяне, небольшое количество мелкой шляхты и горожане [8, с. 311].

Отношения между основными христианскими конфессиями – католичеством, православием и униатством – были очень сложными. Одна из причин – переходы верующих из одной конфессии в другую. В конце XVIII – начале XIX в. частыми были переходы униатов в католицизм. Правительство Александра I неоднократно принимало указы, которые запрещали присоединять униатов в католицизм. В связи с присоединением униатской церкви к православию правительство Российской империи боялось обострения отношений между конфессиями, что в первую очередь было связано с нежеланием бывших униатов переходить в православие, а самовольно переходило в католицизм. Католическим священникам было запрещено к исповеди православных (бывших униатов), а если такое происходило, то их привлекали к ответственности [2, с. 28].

Царское правительство стремилось разными силами ограничить влияние католического духовенства на местное население. Так, например, 28 апреля 1844 г. римско-католическая коллегия сообщила об указе императора закрыть все типографии, которые были подчинены римско-католическому духовенству. Для издания «богослужбных книг, римско-католической церковью установленных» в Петербурге была основана типография под контролем католической коллегии [1, с. 29].

После ликвидации унии белорусская элита (римско-католическая шляхта) сохранила свои имущественные и в значительной степени политическое положение, потеряла влияние «над душами». Социальному отчуждению шляхты поспособствовал указ пользоваться в костеле исключительно польским языком при одновременном запрете его использования в костеле. В церкви рекомендовали, в свою очередь, использовать белорусский язык, который постепенно заменяли русским. Православное белорусское население начало клониться к России и через это становилась невозможной реализация патриотической частью шляхты возрождения Речи Посполитой [6, с. 430].

Католичество, которое было господствующим вероисповеданием Речи Посполитой, с вхождением этих земель в состав Российской империи стало считаться «терпимым». Правительство Российской империи не могло не считаться с магнатами и помещиками этих территорий, которые в основном были католического вероисповедания, с католическим духовенством, которое при своих монастырях и костелах занималось образованием молодежи. Отношения с католичеством складывались по-разному. Значительная часть указов была направлена на прекращение непосредственных отношений католического руководства с Папой римским, отрыв монашеских орденов от своих генералов и т.д. Монархическая Россия не могла позволить подчиняться еще кому-нибудь, кроме императора. Но несмотря на «терпимое» положение католической конфессии на территории белорусско-литовских губерний на протяжении 1772 – 1860 гг., она оставалась самой богатой и влиятельной [2, с. 31].

В понимании местной богатой и средней шляхты сохранение католического вероисповедания и использования польского языка в повседневной жизни – это сохранение памяти Родины – Речи Посполитой. Подтверждением являются мемуары Максимилиана Маркса: «Дворяне, большую часть помещики, делились на две секции: польскую - преимущественно католическую, и русскую – большую часть православную. К первой, многочисленной, принадлежали потомки прежних землевладельцев с польскими фамилиями, языком и образом жизни. Все они были завзятые монархисты, приверженцы послед-

него короля и преданны душою Тарговицкой конфедерации. Все они притом же были (за небольшим исключением воспитанников Виленского университета, и то, большею частью медиков) учениками иезуитов, которые не могли простить Польше свое изгнание из пределов ее и лишение огромнейших поместий, перешедших в ведение Эдукационной комиссии. Строго дисциплинированные и отлично дрессированные воспитанники их школ доставляли самый благонадежный контингент администрации. ... Русская секция политиков состояла из владельцев королевских и порадзивилловских имений, жалованных им после первого раздела Польши» [7].

Мемуары Адама Чарторийского (представитель магнатории, католического вероисповедания) дают следующую информацию: «В 1795 году 12 мая мы с братом приехали в Петербург. Чтобы иметь представление о том, что мы могли чувствовать, переселяясь в эту столицу, нужно знать принципы, в которых мы были воспитаны. Наше воспитание было чисто польское и чисто республиканское. Наши отроческие годы были посвящены изучению истории и литературы, древней и польской. Мы только и грезили, что о греках и римлянах, и мечтали лишь о том, чтобы по примеру наших предков возрождать доблести древних в нашем отечестве. Что касается свободы, то более близкие к нам примеры, почерпнутые из истории Англии и Франции, дали несколько другое, более правильное, направление нашим взглядам на нее, сохранив, однако, всю их внутреннюю силу. Любовь к отечеству, к его славе, к его учреждениям и вольностям была привита нам и учением, и всем тем, что мы видели и слышали вокруг себя. К этому же надо прибавить, что чувство это, впитанное всем нашим моральным существом, сопровождалось непреодолимым отвращением, ненавистью ко всем тем, кто способствовал гибели нашего возлюбленного отечества. Я был до такой степени под властью этого двойного чувства любви и ненависти, что при каждой встрече с русским, в Польше или где-либо в другом месте, кровь бросалась мне в голову, я бледнел и краснел, так как каждый русский казался мне виновником несчастий моей родины» [9].

Шляхетское воспитание было основано на семейно-родственных и сословных ценностях, которые находились в тесном взаимодействии. Понятие рода в феодальной традиции объединяло геральдическую и генеалогическую составляющие. Важной задачей шляхетского воспитания являлась активизация исторической памяти [10, с. 69]. Так, согласно воспоминаниям Э.Т. Масальского «Мой бацька Ануфрый, маёр польскага войска, служыў у другой пяцігорскай брыгадзе, а пасля разбору краю ў маладым яшчэ веку асеў на вёсцы ў Слуцкім павеце на землях маёнтка Нача, уладанні майго дзёда Тамаша, палкоўніка польскага войска. Маці мая, Кацярына, была дачкой Леона Корбута, які ў выніку ваенных нягод прадаў свой маёнтак Друцкаўшчыну ў Наваградскім павеце і пакінуў пасля сваёй смерці жонку Элеанору з Мацкевічаў і двух дачок (старэйшую, якая пабралася потым з Яхневічам на Украіне, і маю маці) на апеку свайго пляменніка, якога сам гадаваў, Юзафа Корбута, пазней наваградскага маршалка, што жыў у наваградскім павеце ў набытым ім паезуіцкім маёнтку Рудаўцы пад Нясвіжам. Маці майго бацькі паходзіла з роду Ахотніцкіх, з сям’і памешчыка Аўгустоўскага павета, яе сваякі Гардынскія і Альшэўскія жылі ў Наваградскім павеце. Мае бацькі пабраліся шлюбам у Рудаўцы...» [11, с. 128].

Образование на дому являлось характерной чертой процесса воспитания шляхетского сословия. С детьми занимались родные или приглашенные учителя. В своих мемуарах Адам Чарторыйский писал: «Мать учила меня французскому языку... Люилль - преподавал нам математику и всеобщую историю; Цесельский - историю Польши, Княжнин - литературу и латинский язык. Для преподавания древних языков у нас был вначале один датчанин по фамилии Шоу, а затем Гродзецк, сделавшийся позже профессором университета в Вильно» [9].

Небогатые семьи могли нанимать учителей в “складчыну”. В совсем бедные семьи приходили “шпэктары” – самоучки, которые вечером учили дворянских детей, в утробе могли работать в поле, исполняя сельскохозяйственные обязанности [10, с. 71]

Белорусский язык был языком общения между представителями российской администрации и местного населения, можно говорить и языком обучения для шляхты униатского вероисповедания; польский язык – язык обучения и общения средней и богатой шляхты; русский язык начал оказывать свое влияние и распространяться с разделов Речи Посполитой, более быстрыми темпами в восточном регионе. С. Куль-Сельвесторова, рассматривая вопрос развития образования на белорусских землях в конце XVIII в. – 1820 г., говорит о том, что если на востоке Беларуси, благодаря народным училищам и более интенсивному культурному и экономическому обмену с российскими землями, русский язык занимал довольно сильные позиции, то для центральных и западных регионов русский язык был чужим. Распространение русского языка на белорусские земли началось сразу же после первого раздела Речи Посполитой. В 1772 г. русский язык был объявлен на востоке Беларуси языком делопроизводства. Русский язык не совсем не был непонятным белорусской шляхте, но свободно им пользовались единицы. Документы в органы российской администрации во времена разделов писали как православное духовенство, так и чины российских войск. Для взаимопонимания с российской администрацией использовался белорусский язык, который хорошо знала шляхта и который понимали русские [5, с. 243].

Таким образом, в конце XVIII – первой половине XIX в. администрация Российской империи проводила политику контроля и вмешательства в религиозную жизнь бывших территорий Речи Посполитой с целью преобразования всей церковной структуры в разновидность государственного аппарата. Поэтому на территории белорусско-литовских губерний царское правительство стремилось поставить под свой контроль католичество и униатство. Сохранение некоторого влияния религии на светскую культуру было обусловлено особенностями политической ситуации в регионе. Представители богатой и средней шляхты видели в католическом костеле и униатской церкви союзников в борьбе за восстановление Речи Посполитой. Российское правительство после разделов Речи Посполитой, с опорой на традиции подчинения церкви власти, рассматривала церковь, в первую очередь православную, как средство контроля духовной жизни общества и оказывало поддержку. С увеличением количества верующих после ликвидации унии, православие не стало главенствующим. Католическая конфессия на территории белорусско-литовских губерний на протяжении 1772-1860 гг. оставалась самой богатой и влиятельной несмотря на «терпимое» положение. Одной из причин является семейное воспитание. Особенностью белорусских земель в данный период был ярко выраженный патриотизм (католическое вероисповедание и использование польского языка).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзён) : вучэб. дапаможнік // А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо ; пад агульнай рэд. праф. А.Ф. Вішнеўскага. – 2-е выд., дап. – Мінск : Акадэмія МУС РБ, 2003. – 320 с.
2. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В. Грыгор’ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
3. Каханоўскі, А. Дваранства / А. Каханоўскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Т. 3. Гімназіі – Кадэцкія / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн., 1996. – С. 215–216.
4. Кузнецова, С. Асвета. Навука. Друк. Бібліятэкі / С. Кузнецова // Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – С. 137–150.
5. Куль-Сяльверстава, С.Я. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст.-1820-я гады) / С.Я. Куль-Сяльверстава. – Мінск : БДУ, 2000. – 260 с.
6. Латышонак, А. Нацыянальнасць – беларус / А. Латышонак // Інстытут беларусістыкі, Беларускае гістарычнае таварыства. – 2012. – 659 с.
7. Маркс, М. Записки старика [Электронный ресурс] / М. Маркс. – Режим доступа: <http://www.ujk.edu.pl/nprh3/wp-content/uploads/2017/11/Materiały-źródłowe-Pamiętnik-Maksymiliana-Marksa-z-lat-1821-1888.pdf>. – Дата доступа: 04.03.2018.
8. Марозава, С. Рэлігійнае становішча. Матэрыяльная і духоўная культура эпохі Асветніцтва / С. Марозава // Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 3. Беларусь учасы Рэчы Паспалітай (XVII – XVIII стст.) / Ю. Бохан [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – С. 302 – 317.
9. Чарторыйскі, А. Мемуары [Электронный ресурс] / А. Чарторыйскі. – Режим доступа: <http://dugward.ru/library/chartorigsky.html#a001>. – Дата доступа: 04.03.2018.
10. Шыдлоўскі, С.А. Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі : 1795–1864 гг. / С.А. Шыдлоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – 168 с.
11. Шыдлоўскі, С. Эдвард Тамаш Масальскі. З успамінаў (1799–1824) / С. Шыдлоўскі // Маладосць. – 2014. – № 6 (727). – С. 127–138.